

и в мыслях не было того, чтобы можно было уронить пролетарское знамя, которое мы высоко держали почти 40 лет, а тем более того, чтобы поддерживать мелкобуржуазный дурман всеобщего братства, против которого мы ведем борьбу тоже почти 40 лет. Словом, он знает, наконец, каковы наши отношения к нему и почему нам не по пути с ему подобными, что бы ни говорили и ни делали лейпцигцы.

Бebelю мы также совершенно категорически заявим о нашей позиции по отношению к этим союзникам германской партии^{*}, а затем посмотрим, как они поступят. Если партийный орган^{**} выступит в духе этой буржуазной статьи, то мы публично выскажемся против него. Впрочем, едва ли они допустят, чтобы дело зашло так далеко.

Итак, напиши поскорее.

Сердечный привет от Маркса

и твоего старого *Ф. Энгельса*

*Впервые опубликовано в книге: F. Engels,
«Vergessene Briefe (Briefe Friedrich Engels'
an Johann Philipp Becker)». Berlin. 1920*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

176

МАРКС И ЭНГЕЛЬС — АВГУСТУ БЕБЕЛЮ,
ВИЛЬГЕЛЬМУ ЛИБКНЕХТУ, ВИЛЬГЕЛЬМУ БРАКЕ И ДР.
(ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО)⁴⁵⁷
В ЛЕЙПЦИГ

[Черновик]

[Лондон, 17—18 сентября 1879 г.]

Дорогой Бeбeль!

Ответ на Ваше письмо от 20 августа задержался, с одной стороны, из-за продолжительного отсутствия Маркса¹⁷², а с другой — из-за некоторых неожиданностей: во-первых, — прибытия рихтеровского «Jahrbuch», а затем приезда самого Гирша.

Из Вашего письма заключаю, что Либкнехт не показал Вам моего последнего письма к нему, хотя я ему это определенно поручил. В противном случае Вы, наверное, не стали бы приводить тех соображений, которые выдвинул Либкнехт и на которые я ему уже *ответил*.

Разберем же по пунктам вопрос, о котором идет речь.

^{*}См. следующее письмо. *Ред.*
^{**}— «Sozialdemokrat». *Ред.*

I. ПЕРЕГОВОРЫ С К. ГИРШЕМ

Либкнехт спрашивает Гирша, возьмет ли тот на себя редактирование партийного органа, который предполагается основать в Цюрихе^{*}. Гирш интересуется тем, как будет финансироваться газета, какими средствами она располагает и кто их будет давать. Первое важно для того, чтобы знать, не заглохнет ли газета через два-три месяца; второе — чтобы удостовериться, в чьих руках будет кошелек, а тем самым, в конечном счете, руководство направлением газеты. Ответ Либкнехта Гиршу — «все в порядке, подробности сообщат тебе из Цюриха» (Либкнехт Гиршу, 28 июля) — до него не доходит. Зато из Цюриха Гирш получает письмо от Бернштейна (24 июля), в котором тот сообщает, что «*нам* поручили представительство и *наблюдение* (над газетой)». Состоялось будто бы совещание «*между* Фиреком и *нами*», на котором нашли, что

«Ваша позиция несколько затрудняется теми разногласиями, которые у Вас, как редактора «*Latetne*», были с некоторыми товарищами, но я считаю эти сомнения недостаточно вескими».

О финансировании газеты — ни слова.

Гирш 26 июля в своем ответе подробно осведомляется о материальном положении газеты. Кто из товарищей обязался покрывать дефицит? В размере какой суммы и на какой срок? Вопрос об окладе редактору тут не играет абсолютно никакой роли, единственно, что Гирш хочет знать, это — «обеспечены ли средства для газеты по крайней мере на год».

Бернштейн отвечает 31 июля: в случае, если будет дефицит, он будет покрыт добровольными взносами, из которых *некоторые* (!) уже фиксированы. Замечания Гирша относительно направления, которое он предполагает дать газете (о чем — ниже), вызывают неодобрительные замечания и *предписания*:

«На этом *наблюдательная комиссия* должна особенно настаивать, так как она сама находится под контролем, то есть несет ответственность. Следовательно, по этим пунктам Вам следовало бы договориться с наблюдательной комиссией».

Ответ желателен подробный, по возможности — телеграфный.

Итак, вместо того или иного ответа на свои законные вопросы Гирш получает извещение, что он должен редактировать газету под руководством сидящей в Цюрихе *наблюдательной* комиссии, взгляды которой существенно расходятся с его взглядами и о составе которой ему даже не сообщают!

* — «*Sozialdemokrat*». *Ред.*

Гирш, совершенно справедливо возмущенный таким отношением, предпочитает сговориться с лейпцигцами. Содержание его письма Либкнехту от 2 августа Вам должно быть известно, так как Гирш *настоятельно потребовал*, чтобы его сообщили Вам и Фиреку. Гирш даже соглашался подчиниться цюрихской наблюдательной комиссии в том смысле, что последняя будет делать редакции письменные замечания, а решение будет предоставлено лейпцигской контрольной комиссии.

Между тем Либкнехт 28 июля пишет Гиршу:

«Разумеется, предприятие в финансовом отношении прочно, потому что за ним стоит вся партия плюс Хёхберг. Что касается подробностей, то я ими не интересуюсь».

В следующем письме Либкнехта тоже ни слова о материальной стороне дела, зато есть заверение, что цюрихская комиссия не является редакционной комиссией, а ей вверены лишь *управление* и финансы. Еще 14 августа Либкнехт повторяет это в письме ко мне и настаивает на том, чтобы мы уговорили Гирша согласиться. Вы сами еще 20 августа так плохо осведомлены о действительном положении дела, что пишете мне:

«Он» (Хёхберг) «имеет в редакции не больше веса, чем всякий другой член партии, пользующийся известностью».

Наконец, Гирш получает от Фирека датированное 11 августа письмо, в котором тот признает, что

«находящаяся в Цюрихе тройка должна в качестве редакционной комиссии взяться за организацию газеты и с согласия лейпцигской тройки избрать редактора... насколько я помню, в сообщенных постановлениях было также указано, что упомянутый в пункте 2 цюрихский учредительный комитет должен взять на себя ответственность перед партией как за политическую, так и за финансовую сторону дела... Из всего этого для нас ясно, что... без содействия проживающей в Цюрихе тройки, которой партия поручила основать газету, нечего и думать о принятии на себя редакторских функций».

Тут Гирш наконец получил хотя бы *сколько-нибудь* определенное указание, — правда, только о положении редактора по отношению к цюрихцам. Они являются *редакционной комиссией*, на них лежит и *политическая* ответственность; без их содействия никто не может взять на себя функции редактора. Короче говоря, Гиршу попросту предлагается договориться с тремя цюрихцами, имена которых ему все еще неизвестны.

Но, чтобы создать окончательную путаницу, Либкнехт в приписке к письму Фирека сообщает следующее:

«Только что был здесь Зингер из Берлина, он утверждает, что наблюдательная комиссия в Цюрихе не является, как полагает Фирек, редакционной комиссией, собственно говоря, эта комиссия — административная, несущая перед партией, то есть перед нами, финансовую ответственность; члены ее имеют, разумеется, также право и обязанность обсуждать с тобой редакционные вопросы (это право и обязанность каждого члена партии); учинить над тобой *ошех* они не уполномочены».

Три цюрихца и один из членов лейпцигского комитета — *единственный*, присутствовавший при переговорах, — настаивают на том, что Гирш должен подчиняться официальному руководству цюрихской инстанции, другой член лейпцигского комитета это попросту отрицает. Должен ли Гирш принимать решение, прежде чем эти господа сговорились между собой? О том, что Гирш имел полное право требовать, чтобы его познакомили с вынесенными постановлениями, в которых были указаны предъявляемые ему условия, об этом никто и не подумал, тем более, что лейпцигцам не пришло в голову *самим* получить достоверные сведения об этих постановлениях. В противном случае как могла бы возникнуть подобная разногласица?

Если лейпцигцы не имеют единого мнения относительно полученных цюрихцами полномочий, то зато для цюрихцев все совершенно ясно.

Шрамм пишет Гиршу 14 августа:

«Если бы Вы в свое время не писали, что в подобном случае» (как с Кейзером) «Вы опять поступили бы точно так же, если бы Вы таким образом не дали повода ждать снова таких же выступлений в печати, — мы бы не стали на это тратить ни слова. Но теперь, учитывая Ваше заявление, мы должны оставить за собой право решающего голоса по вопросу о принятии статей, предназначенных для новой газеты».

Гирш будто бы заявил это в письме к Бернштейну от 26 июля, значит *созрало* позже совещания в Цюрихе, на котором были определены полномочия цюрихской тройки. Но в Цюрихе уже так опьянены сознанием своего бюрократического всемогущества, что в ответ на это позднейшее письмо Гирша претендуют на право *решать* вопрос о помещении статей.

Редакционная комиссия уже стала *цензурной* комиссией.

Лишь тогда, когда Хехберг приехал в Париж, Гирш узнал от него *имена* членов обеих комиссий.

Итак, если переговоры с Гиршем сорвались, то что послужило этому причиной?

1) Упорный отказ как со стороны лейпцигцев, так и со стороны цюрихцев сообщить ему сколько-нибудь точные данные о финансовой базе газеты и тем самым о возможности для нее просуществовать хоть год. Относительно обеспеченной подпиской суммы он узнал только здесь от меня (на основании Вашего

сообщения мне). Таким образом, из прежних сообщений (партия плюс Хёхберг) едва ли можно было вывести другое заключение, кроме того, что либо газета уже теперь финансируется преимущественно Хёхбергом, либо скоро будет всецело зависеть от его взносов. Эта последняя возможность и сейчас далеко не исключена. Сумма в 800 марок — если я верно разобрал цифру в *точности* равна той (40 фунтов стерлингов), которую здешнему обществу пришлось добавить «Freiheit» за *первое полугодие*.

2) Повторенное несколько раз и оказавшееся впоследствии совершенно неправильным заверение Либкнехта о том, что цюрихцы вовсе не получили права контролировать редакцию, и возникшая из этого заверения комедия ошибок.

3) Достигнутая, наконец, уверенность в том, что цюрихцам присвоен не только контроль, но и цензура, а ему, Гиршу, остается лишь роль подставного болвана.

Если после всего этого от него последовал отказ, то мы можем только одобрить этот шаг. Лейпцигская комиссия, как мы слышали^{*}, еще усилена двумя живущими вне Лейпцига членами и может поэтому быстро принимать решения только в том случае, если между тремя лейпцигцами нет разногласий. Этим подлинный центр тяжести окончательно переносится в Цюрих, а с тамошними господами Гирш, как и любой редактор, действительно настроенный революционно и пролетарски, долго работать не сможет. Об этом ниже.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГАЗЕТЫ

Еще 24 июля Бернштейн сообщает Гиршу, что разногласия Гирша с некоторыми товарищами в бытность его редактором «*Latetne*» могут затруднить его положение.

Гирш отвечает, что направление газеты в общем не должно, по его мнению, отличаться от направления «*Latetne*», то есть в Швейцарии избегать процессов, а в Германии не быть сверх меры трусливым. Он спрашивает, какие именно товарищи имеются в виду, и продолжает:

«Я знаю лишь одного такого и обещаю Вам, что, если повторится подобный случай *нарушения дисциплины*, я по отношению к этому товарищу буду действовать совершенно так же».

На это Бернштейн с сознанием своих новых официальных цензорских полномочий отвечает:

^{*} Пометка на полях карандашом: «от Хёхберга». *Ред.*

«Что касается направления газеты, то надо сказать, что, по мнению наблюдательной комиссии, «*Laterne*» не может служить образцом. Мы полагаем, что газета должна отличаться не столько своим политическим радикализмом, сколько принципиальной социалистической установкой. Таких эпизодов, как атака против Кайзера, вызвавшая порицание со стороны всех без исключения» (!) «товарищей, следует во что бы то ни стало избегать».

И так далее, и так далее. Либкнехт называет выступление против Кайзера «грубым промахом», а Шрамм считает его настолько опасным, что на этом основании подчиняет Гирша цензуре.

Гирш снова пишет Хехбергу, что случай, подобный кайзеровскому,

«невозможен при наличии официального партийного органа, ясные директивы и благотворные указания которого депутат не мог бы так нагло игнорировать».

Фирек тоже пишет, что новой газете

«предписано... быть беспристрастной и по возможности игнорировать все имевшие место разногласия»; она не должна быть «увеличенной «*Laterne*»», и «самое большее, в чем можно упрекнуть Бернштейна, это в том, что он придерживается слишком умеренного направления, если только это упрек в такое время, когда мы не можем идти вперед с развернутым знаменем».

В чем же состоит, однако, этот случай с Кайзером, это непростительное преступление, которое якобы совершил Гирш? Кайзер, единственный из социал-демократических депутатов, произносит речь и подает голос в рейхстаге за покровительственные пошлины. Гирш обвиняет его в нарушении партийной дисциплины¹⁸², так как он:

1) голосовал за косвенные налоги, отмены которых определенно требует программа партии;

2) санкционировал кредиты Бисмарку и тем самым пошел против основного принципа нашей партийной тактики: «ни гроша этому правительству».

По обоим пунктам Гирш безусловно прав. После того как Кайзер так разделался, с одной стороны, с программой партии, которой депутаты в силу постановления съезда как бы присягнули, и, с другой стороны, с непреложным, первейшим и основным принципом партийной тактики, подав голос *за кредиты Бисмарку в благодарность за закон против социалистов*¹⁴³, Гирш, по нашему мнению, имел точно так же полное право выступить против него со всей резкостью.

Мы никак не могли понять, каким образом эта атака против Кайзера могла вызвать в Германии такое сильное раздражение.

Теперь Хёхберг рассказывает мне, что «фракция» разрешила Кайзеру выступить так, как он выступил, и тем самым он может считаться оправданным.

Если дело обстоит так, то это уж поистине из рук вон плохо. Прежде всего Гирш, как и никто вообще, не мог знать об этом втайне принятом решении. Далее: тот позор для партии, в котором прежде можно было винить одного Кайзера, благодаря этому обстоятельству только усугубляется, и вместе с тем возрастает значение заслуги Гирша, который открыто и перед всем светом разоблачил пошлую фразеологию и еще более пошлое голосование Кайзера и тем самым спас честь партии. Или в самом деле германская социал-демократия поражена парламентской болезнью и воображает, что на народных избранников снизошел святой дух, превращающий заседания фракции в непогрешимые соборы, а постановления фракции — в ненарушимые догматы?

Грубый промах, конечно, был допущен, но его допустили депутаты, покрывшие своим постановлением выступление Кайзера, а не Гирш. И если те, кто более, чем кто-либо, призваны следить за соблюдением партийной дисциплины, подобным постановлением так безобразно ее нарушают, то тем хуже. Еще хуже, однако, когда осмеливаются думать, что нарушили партийную дисциплину не Кайзер своей речью и голосованием и не депутаты своим постановлением, а Гирш — тем, что он вопреки этому постановлению, ему вдобавок неизвестному, резко обрушился на Кайзера.

Впрочем, несомненно, что по вопросу о покровительственных пошлинах партия заняла ту же нечеткую и нерешительную позицию, которую она занимала по отношению ко всем возникавшим до сих пор конкретным экономическим вопросам, — например, по вопросу об имперских железных дорогах. Это происходит оттого, что партийные органы, особенно «Vorwarts», вместо того, чтобы основательно обсудить эти вопросы, предпочитают рассуждать о структуре будущего общественного строя. Когда вопрос о покровительственных пошлинах после закона против социалистов внезапно приобрел практическое значение, по поводу него возникли самые разнообразные оттенки мнений, и не нашлось никого, кто обладал бы предпосылками для отчетливого и правильного суждения, а именно — знакомством с условиями германской промышленности и ее положением на мировом рынке. К тому же у некоторой части избирателей могли быть протекционистские настроения, — и с этим тоже захотели считаться. Единственный путь из этого хаоса — подойти к вопросу с чисто политической стороны

(что и сделала «Lateme») — был оставлен без внимания. Вот почему партия в этих прениях проявила с самого начала шатания, неуверенность и нечеткость и в конце концов, благодаря Кайзеру и вместе с ним, основательно оскандалилась.

Выступления против Кайзера становятся поводом к тому, чтобы на все лады проповедовать Гиршу, что новая газета не должна ни в коем случае подражать выходкам «Lateme», что она должна отличаться не столько политическим радикализмом, сколько принципиально социалистическим направлением и бесстрастностью. При этом Фирек усердствует не меньше, чем Бернштейн; Бернштейн же кажется Фиреку самым подходящим человеком именно потому, что он слишком умерен, так как «не можем же мы теперь идти вперед с развернутым знаменем».

Но для чего вообще уезжать за границу, как не для того, чтобы идти вперед с развернутым знаменем? За границей этому ничто не препятствует. В Швейцарии нет ни германских уголовных законов, ни германских законов о печати и союзах. Там не только можно, там *должно* писать все то, чего нельзя было писать у себя дома даже до закона о социалистах — из-за обычных германских законов. Ибо там мы стоим не только перед лицом Германии, но и перед лицом Европы и обязаны, поскольку позволяют *швейцарские* законы, открыто осведомлять Европу о путях и целях германской партии. Тот, кто в Швейцарии захотел бы считаться с *германскими* законами, доказал бы только, что он достоин этих германских законов и что ему нечего сказать сверх того, что разрешалось говорить в Германии до издания исключительного закона. Нечего было считаться и с тем, что для членов редакции может быть на время отрезана возможность возвращения в Германию. Кто не готов рискнуть этим, тому не место на таком передовом и почетном посту.

Более того. Исключительный закон именно *потому* наложил оковы на германскую партию, что она была единственной серьезной оппозиционной партией в стране. Если она в заграничном органе выразит Бисмарку благодарность, отказываясь от этой роли единственной серьезной оппозиционной партии, выступая пайнкой и покорно принимая пинок, то этим она только докажет, что она достойна этого пинка. Из всех печатных органов немецкой эмиграции, издававшихся за границей с 1830 г., «Lateme», несомненно, один из самых умеренных. Но если даже «Lateme» оказалась слишком дерзкой, то новая газета может только скомпрометировать партию в глазах ее единомышленников вне Германии.

III. МАНИФЕСТ ЦЮРИХСКОЙ ТРОЙКИ

Тем временем прибыл хёхберговский «Jahrbuch», содержащий статью «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии». Эта статья, как сообщил мне сам Хёхберг, написана именно тремя членами цюрихской комиссии^{*} и поэтому представляет собой аутентичную критику предшествующего движения со стороны этих господ, а следовательно и аутентичную программу новой газеты, поскольку линия газеты определяется этими людьми.

С самого же начала мы читаем:

«Движение, которому Лассаль приписывал огромное политическое значение, к которому он призывал не только рабочих, но и всех честных демократов, *во славе которого* должны были идти независимые представители науки и *все те, кто одушевлен истинным человеколюбием*, измалывало под руководством И. Б. Швейцера, превратившись в *одностороннюю борьбу промышленных рабочих за свои интересы*».

Я не стану заниматься вопросом о том, соответствует ли это и в какой мере соответствует действительности. Особый упрек, который здесь делается Швейцера, состоит в том, что он, Швейцер, *низвел* лассальянство, рассматриваемое здесь как буржуазно-демократически-филантропическое движение, до степени односторонней борьбы промышленных рабочих за свои интересы^{**}; между тем, на деле он *углубил* движение как классовую борьбу промышленных рабочих против буржуазии. Далее его, Швейцера, упрекают в том, что он «оттолкнул буржуазную демократию». Но разве буржуазной демократии место в социал-демократической партии? Если буржуазная демократия состоит из «честных людей», то у нее не может и возникнуть желания войти в состав партии, а если она этого все-таки добивается, то исключительно для того, чтобы гадить.

* — К. Хёхбергом, Э. Бернштейном и К. А. Шраммом *Ред.*

** Далее в рукописи зачеркнуто: «Швейцер был прохвостом, но в то же время очень талантливым человеком. Его заслуга состояла именно в том, что он сломал первоначальное узкое лассальянство с его ограниченной панацеей государственной помощи. Чти бы он ни предпринимал из корыстных побуждений и как бы ни настаивал, стремясь сохранить свою гегемонию, на лассальянской всеисцеляющей государственной помощи, — все же заслуга его состоит в том, что он пробил брешь в первоначальном узком лассальянстве, расширил экономический кругозор своей партии и тем самым подготовил ее позднейшее вхождение в германскую единую партию. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией, — это ядро всякого революционного социализма — проповедовалась уже и Лассалем. Если Швейцер еще сильнее подчеркнул этот пункт, то по сути дела это было во всяком случае шагом вперед, как бы искусно он ни пользовался этим моментом, чтобы навлекать подозрения на опасных для своей диктатуры лиц. Совершенно верно, что он превратил лассальянство в *одностороннюю борьбу промышленных рабочих за свои интересы*. Но односторонней он сделал ее лишь потому, что из-за корыстно политических мотивов не хотел ничего знать о борьбе сельских рабочих против крупного землевладения. Не в этом, однако, его упрекают, а в том, что...». *Ред.*

Лассалевская партия «предпочитала *самым односторонним* образом вести себя как *рабочая партия*». Господа, пишущие это, состоят членами партии, которая самым односторонним образом ведет себя как рабочая партия, и занимают теперь в ней официальные посты. Это вещи абсолютно несовместимые. Если они думают так, как пишут, то должны выйти из партии или по крайней мере отказаться от занимаемых ими постов. Если они этого не делают, то тем самым признаются в том, что намереваются использовать свое официальное положение для борьбы против пролетарского характера партии. Таким образом, партия сама себя предает, оставляя их на официальных постах.

Итак, по мнению этих господ, социал-демократическая партия должна быть *не* односторонней рабочей партией, а всесторонней партией «всех тех, кто одушевлен истинным человеколюбием». Чтобы доказать это, она прежде всего должна отречься от грубых пролетарских страстей и под руководством образованных и филантропически настроенных буржуа «приобрести хороший вкус» и «усвоить хороший тон» (стр. 85). Тогда «неприличные манеры» некоторых вождей уступят место благовоспитанным «буржуазным манерам» (как будто внешне неприличные манеры тех, кто здесь имеется в виду, не самое маловажное из того, в чем их можно упрекнуть!). Тогда не замедлят появиться и

«многочисленные сторонники из среды образованных и имущих классов. Именно их необходимо привлечь к себе... чтобы агитация принесла осязательные успехи». Германский социализм «придавал слишком большое значение завоеванию *масс* и при этом пренебрегал энергичной» (!) «пропагандой среди так называемых высших слоев общества». Ибо «у партия все еще не хватает лиц, которые были бы в состоянии представлять ее в рейхстаге». Но «желательно и даже необходимо верить мандаты таким людям, которые имели время и возможность основательно изучать надлежащие проблемы. Простой рабочий и малкий ремесленник... располагают для этого достаточным досугом лишь в виде редкого исключения».

Следовательно, выбирайте буржуа!

Одним словом, рабочий класс не в состоянии добиться своего освобождения собственными руками. Для этого он должен подчиниться руководству со стороны «образованных и имущих» буржуа, так как только они «имеют время и возможность» изучить то, что может принести пользу рабочим. А во-вторых, ни под каким видом не следует бороться с буржуазией, — ее следует *привлечь на свою сторону* энергичной пропагандой.

Но если мы намерены завоевать высшие слои общества или хотя бы их благожелательно настроенные по отношению к нам элементы, то мы никоим образом не должны пугать их.

И вот цюрихская троица воображает, что она сделала весьма успокоительное открытие:

«Как раз теперь, под давлением закона против социалистов, партия показывает, что она *не намерена* пойти по пути насильственной, кровавой революции, что, напротив, она решила... стать на путь законности, то есть *реформы*».

Итак, если 500—600 тысяч социал-демократических избирателей ($\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{3}$ всего числа избирателей), к тому же рассеянных по всей стране, настолько благоразумны, что не прошибают лбом стену и не пытаются один против десяти произвести «кровавую революцию», то это значит, что они раз навсегда *зарекаются* использовать какое-либо крупное событие из области внешней политики, вызванный им внезапный революционный подъем и даже самую *победу* народа, завоеванную в возникшем на этой почве столкновении! Если Берлин когда-нибудь снова проявит такую необразованность, что учинит 18 марта⁴⁵⁸, то социал-демократы, вместо того, чтобы, подобно «всякой дряни, рвущейся на баррикады» (стр. 88), принять участие в борьбе, должны будут «вступить на путь законности», утихомирить восстание, убрать баррикады и, когда это понадобится, выступить нога в ногу со славным воинством против односторонней, грубой и необразованной массы. Если господа авторы станут утверждать, что они не это хотели сказать, то что же они тогда хотели сказать?

Но это еще только цветочки.

«Чем спокойнее, объективнее, солиднее будет выступать партия, критикуя существующие порядки и внося предложения об их изменении, тем менее будет возможно повторить удавшийся сейчас» (при введении закона против социалистов) «шахматный ход, с помощью которого сознательная реакция запутала буржуазию красным призраком» (стр. 88).

Чтобы избавить буржуазию даже от тени страха, ей нужно ясно и наглядно доказать, что красный призрак в самом деле не более как призрак, что он не существует в действительности. В чем же, однако, тайна красного призрака, как не в страхе буржуазии перед неизбежной борьбой не на жизнь, а на смерть между ней и пролетариатом, страхе перед неминуемой развязкой современной классовой борьбы? Уничтожим классовую борьбу — и буржуазия и «все независимые люди» «не побоятся пойти рука об руку с пролетариями!» Но в дураках-то останутся именно пролетарии.

Пусть, следовательно, партия своим смирением и кротким поведением докажет, что она раз навсегда отрекается от «несуразностей и эксцессов», дававших повод к введению закона

против социалистов. Если она добровольно пообещает не выходить из рамок этого закона, то Бисмарк и буржуазия, конечно, будут так любезны, что отменят этот закон, который станет тогда излишним!

«Пусть нас поймут как следует», мы не хотим «отказываться от нашей партии и от нашей программы, но мы думаем, что нам на долгие годы хватит работы, если мы всю свою силу, всю свою энергию обратим на достижение определенных, вполне доступных целей, которые во что бы то ни стало должны быть достигнуты, прежде чем можно начать помешлять об осуществлении более далеких задач».

Тогда к нам начнут присоединяться массами буржуа, мелкие буржуа и рабочие, которых «теперь отпугивают... слишком далеко идущие требования».

От программы не следует *отказываться*; только осуществление ее должно быть *отложено*... на неопределенное время. Ее принимают, но, собственно, не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее детям и внукам. А пока что «все силы и вся энергия» обращаются на всякие пустяки и жалкое штопанье капиталистического строя, чтобы казалось, будто что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию. Разве не лучше во много раз поведение «коммуниста» Микеля, который, будучи непоколебимо убежден, что через несколько сот лет крах капиталистического общества неминуем, на этом основании усердно спекулирует, способствует в меру своих сил краху 1873 г. и тем самым *действительно* кое-что делает для подготовки крушения существующего строя.

Другим нарушением хорошего тона были «преувеличенные нападки на грюндеров», которые-де были «лишь детьми своего времени»; поэтому «было бы лучше... обойтись без брани по адресу Штраусберга и тому подобных лиц». К сожалению, все люди — только «дети своего времени», и если это — достаточное оправдание, то должны быть прекращены нападки на кого бы то ни было, и нам надо отказаться от всякой полемики, от всякой борьбы; нам надлежит спокойно принимать пинки от своих противников, ибо мы, мудрецы, знаем, что противники эти лишь «дети своего времени» и не могут поступать иначе, чем поступают. Вместо того чтобы оплачивать им сторицей за получаемые от них пинки, мы, наоборот, должны бедняжек пожалеть.

Точно так же наше выступление за Коммуну имело то дурное последствие, что

«оттолкнуло от нас многих наших благожелателей и вообще усилило *ненависть* к нам *буржуазии*. И далее, партия «не совсем неповинна во введении октябрьского закона, ибо она совершенно ненужным образом разжигала *ненависть буржуазии*».

Вот какова программа трех цюрихских цензоров. Она не оставляет никакого места для недоразумений, особенно для нас, отлично знакомых еще с 1848 г. с подобными речами. Перед нами представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением в обществе, может «зайти слишком далеко». Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена. Все исторически необходимые конфликты истолковываются как недоразумения, и всякой дискуссии кладется конец декларацией о том, что по существу никаких расхождений между нами нет. Люди, выступавшие в 1848 г. в качестве буржуазных демократов, теперь с таким же успехом могут именовать себя социал-демократами. как для первых демократическая республика, так для последних низвержение капиталистического строя — дело далекого будущего, не имеющее абсолютно никакого значения для политической практики современности; поэтому можно посредничать, заниматься соглашательством и филантропией сколько душе угодно. Точно так же обстоит дело с классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией. На бумаге эту борьбу признают, потому что отрицать ее уже попросту невозможно, но на деле ее затушевывают, смазывают, ослабляют. Социал-демократическая партия *не должна* быть партией рабочего класса, не должна навлекать на себя ненависть буржуазии или вообще чью бы то ни было ненависть, она должна прежде всего вести энергичную пропаганду в среде буржуазии; вместо того чтобы во главу угла ставить далеко идущие, отпугивающие буржуазию и все же недостижимые для нашего поколения цели, пусть лучше все свои силы и всю свою энергию она обратит на осуществление тех мелкобуржуазных реформ-заплат, которые укрепят старый общественный строй и тем самым, может быть, превратят конечную катастрофу в постепенный, совершающийся по частям и по возможности мирный процесс перерождения. Это те самые люди, которые под прикрытием суетливой деловитости не только сами ничего не делают, но и пытаются помешать тому, чтобы вообще что-либо происходило кроме болтовни, люди, которые в 1848 и 1849 гг. своим страхом перед любым действием тормозили движение на каждом шагу и в конце концов привели его к поражению, которые никогда не видят реакцию и весьма изумляются, что оказались в тупике, где невозможно ни сопротив-

ление, ни бегство. Это те самые люди, которые хотят втиснуть историю в рамки своего обывательского кругозора, но с которыми история никогда не считается и идет своей дорогой.

Что касается их социалистических убеждений, то они уже подвергнуты достаточной критике в «Манифесте Коммунистической партии», в разделе о «немецком, или «истинном», социализме». Там, где классовая борьба отстраняется как нечто непривлекательное и «грубое», там в качестве основы социализма остаются лишь «истинное человеколюбие» и пустые фразы о «справедливости».

Самым ходом развития обусловлено то неизбежное явление, что к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и доставляют ему элементы просвещения. Об этом мы ясно высказались уже в «Манифесте»^{*}. Но тут надо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, чтобы принести действительную пользу пролетарскому движению, эти лица должны принести с собой действительные элементы просвещения, а этого нельзя сказать о большинстве немецких буржуа, примкнувших к движению. Ни «Zukunft», ни «Neue Gesellschaft» не дали ничего такого, что хотя бы на шаг подвинуло движение вперед. Никакого действительного фактического или теоретического материала, содействующего просвещению, там нет. Вместо этого — попытки согласовать поверхностно усвоенные социалистические идеи с самыми различными теоретическими взглядами, которые вынесены этими господами из университета или еще откуда-нибудь; все эти взгляды — один путаннее другого, что объясняется тем процессом разложения, которому ныне подвергаются остатки немецкой философии. Вместо того чтобы прежде всего самому углубиться в изучение новой науки, каждый старался так или иначе подогнать ее к своим извне принесенным воззрениям, насколько сколачивал себе свою собственную приватную науку и тотчас же выступал с претензией обучать этой науке других. Поэтому у этих господ почти столько же точек зрения, сколько голов. Вместо того чтобы хоть в какой-нибудь вопрос внести ясность, они создали невероятную путаницу, к счастью, почти исключительно в своей собственной среде. Без таких просветителей, основной принцип которых обучать других тому, чего они сами не изучили, партия может отлично обойтись.

^{*} К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии». Ред.

Во-вторых. Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение. Но те господа, как доказано, как раз битком набиты буржуазными и мелкобуржуазными представлениями. В такой мелкобуржуазной стране, как Германия, эти представления несомненно имеют свое оправдание, но только *вне рядов* социал-демократической рабочей партии. Если эти господа образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступать с ними в переговоры, при известных условиях блокироваться и т. д. Но в рабочей партии они чуждый элемент. Если есть основания пока что терпеть их, то мы обязаны *только* терпеть их, не давая им влиять на руководство партией и отдавая себе отчет в том, что разрыв с ними — лишь вопрос времени. Это время к тому же, по-видимому, уже наступило. Каким образом партия может далее терпеть в своих рядах авторов этой статьи, нам совершенно непонятно. Если же в руки таких людей в той или иной мере попадает даже партийное руководство, значит, партия попросту кастрирована и в ней нет больше пролетарской энергии.

Что касается нас, то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения. При основании Интернационала мы отчетливо сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Мы не можем, следовательно, идти вместе с людьми, открыто заявляющими, что рабочие слишком необразованны для того, чтобы освободить самих себя, и должны быть освобождены сверху, руками филантропических крупных и мелких буржуа. Если новый партийный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию за границей. Но *до этого*, надо надеяться, дело не дойдет.

Это письмо предназначено для всех пяти членов комиссии в Германии*, а также Бракке... Мы не имеем никаких возражений против того, чтобы письмо прочли и цюрихцы.

*Впервые опубликовано в журнале
«Die Kommunistische Internationale»,
XII Jahrg., Heft 23, 15 июля 1931 г.*

*Печатается по рукописи
Перевод с немецкого*

177

МАРКС — НИКОЛАЮ ФРАНЦЕВИЧУ ДАНИЕЛЬСОНУ
В ПЕТЕРБУРГ

Лондон, 19 сентября 1879 г.
41, Maitland Park Road,
Haverstock Hill, N. W.

Милостивый государь!

Я только что вернулся в Лондон после почти двухмесячного отдыха на лоне природы на острове Джерси¹⁶³ и в других приморских местах¹⁷². Я был вынужден так поступить и приостановить на это время всякую работу, по совету врачей, из-за нервного расстройства. По этой же причине я был также не в состоянии отдать должное той духовной пище, которой Вы столь любезно снабдили меня⁴⁵⁹. Но теперь я чувствую, что значительно окреп, и охотно засяду за работу.

Книгу Ковалевского я получил от него самого⁴⁶⁰. Он один из моих «научных» друзей, который приезжает ежегодно в Лондон, чтобы пользоваться сокровищами Британского музея.

Более обстоятельное письмо Вы получите от меня, как только я разделаюсь с наиболее неотложной частью той работы, которая накопилась за время моего отсутствия.

А пока желаю Вам всего наилучшего.

Искренне Ваш

*А. Уильямс***

*Впервые опубликовано на русском языке
в журнале «Многочисленные годы» № 1, 1908 г.*

*Печатается по рукописи
Перевод с английского*

* — А. Бебель, В. Либкнехта, Ф. В. Фридрише, Б. Гейзера и В. Газенклевера. *Ред.*

** — конспиративный псевдоним Маркса. *Ред.*